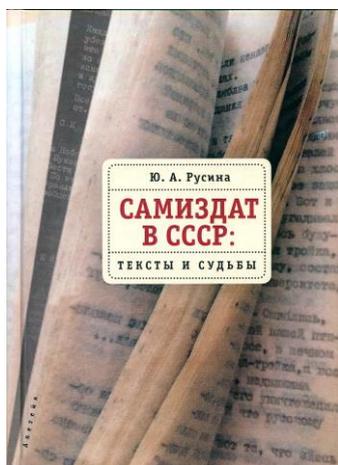

Т.А. Снигирева, А.В. Подчиненов

**ПОКОЛЕНИЕ САМИЗДАТА¹. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
РУСИНА Ю.А. САМИЗДАТ В СССР: ТЕКСТЫ И СУДЬБЫ /
Ю.А. РУСИНА. СПБ. : АЛЕТЕЙЯ ; ЕКАТЕРИНБУРГ : ИЗД-ВО
УРАЛ. УН-ТА, 2019. 204 с.**

Аннотация. *Оценивается монография Ю.А. Русиной «Самиздат в СССР: тексты и судьбы», в которой рассмотрены материалы самиздата как собрание огромного количества документов разных жанров в контексте феномена инакомыслия в СССР. Рецензенты усматривают главную задачу исследования в интерпретации и аналитической обработке документов в качестве исторических источников. Самиздат представлен не только как запрещенная к публикации художественная литература, но и как результат социальной, политической, журналистской, правозащитной и другой деятельности в трех аспектах: как дополняющее официальную культуру явление XX в., как своеобразная самоорганизация, саморефлексия общества и как исторический источник,*

дающий возможность изучения советского общества. Отмечается, что это дает возможность автору представить репрезентативную и достаточно полную картину российского самиздата.

Ключевые слова: *определение, виды и содержание самиздата, исторический дискурс, журналы, самиздат в провинции, студенческая литературная и публицистическая периодика.*

Самиздат – крайне самобытное явление в интеллектуальной и социально-политической истории нашей страны. Неслучайно наряду с такими словами, как гласность, перестройка, КГБ, слово «самиздат» не переводится на иностранные языки, но существует в форме кальки:

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-512-23003 «Самосознание и диалог поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков».

“samizdat”. Закономерно, что анализу истории его существования посвящена серия работ как собственно исследовательского, так и публицистического и мемуарного характера.

Основные из них квалифицированно аннотированы в монографии Ю. Русиной (см. раздел книги «Краткая библиография по истории советского самиздата»), а на четвертую страницу обложки вынесены точные формулы расшифровки явления и его значимости, данные видными деятелями самиздата: «Самсебяиздат» (Н. Глазков); «Сам сочиняю, сам редактирую, сам цензурирую, сам издаю, сам распространяю и сам отсиживаю...» (В. Буковский); «Единственно возможная форма преодоления государственной монополии на распространение идей и информации» (Л. Алексеева); «Специфический способ бытования общественно значимых неподцензурных текстов, состоящий в том, что их тиражирование происходит вне авторского контроля, в процессе их распространения в читательской среде» (А. Даниэль).

Накопленный исследовательский опыт позволяет автору новой книги о самиздате в первой главе «Что такое самиздат и где он хранится?» выделить три бытующие в современной гуманитаристике точки зрения на самиздат. Во-первых, самиздат рассматривается как культурное явление XX в., как «другая», «вторая культура». В этом смысле он не противостоит официальной культуре, но дополняет ее. Во-вторых, самиздат исследуется в соотнесенности с понятием «общество», в качестве феномена самоорганизации, саморефлексии общества, является знаком интеллектуальной реакции и каналом информации. В-третьих, самиздат может быть рассмотрен и рассматривается как исторический источник, дающий возможность изучения советского общества и реакции его части на политику государства. Сразу заметим, что источниковедческий подход становится доминирующим в рецензируемой книге при уместном подключении двух других – культурологического и социологического.

В этой же прамбульной главе автор предпринимает попытку жанровой систематизации огромного документального самиздатовского массива, выделяя следующие его составляющие: художественная литература, сборники документов (судебные процессы, газетные публикации, отчеты о демонстрациях, письма протеста), периодические издания (журналы), мемуары и воспоминания диссидентов, философские, исторические, социально-политические и публицистические

произведения. Очевидно, что жанровая систематика в данном случае дополняется и смешивается с типом издания. Так, журналы могут включать в себя и публицистику, и документальные свидетельства, и мемуарную прозу. Однако обобщающий вывод главы в какой-то мере снимает возникшую неточность и подготавливает дальнейшее развертывание научного сюжета: «...самиздат – это обширный культурный пласт с множеством слоев разнородных мнений, взглядов, поведенческих проявлений. Он вместил в себя историю оппозиционной мысли и действий правозащитников, инакомыслящих и несогласных с их драматическими судьбами. Слово сочетание “текст самиздата” подразумевает не только некий письменный документ, но и широкую палитру жизни позднего социалистического общества, говорящую о состоянии его умов, творческом потенциале, политических представлениях и спектрах разномыслия» [1. С. 26].

Монография, в названии которой точно определено явление и место его существования, – «Самиздат в СССР» – несет и важное смысловое уточнение – «книги и судьбы», что указывает на ее двойную цель: исследование не только результатов гражданской деятельности официально преследуемой части поколения, избавившейся от страха перед «мертвой буквой закона» (Б. Пастернак) в годы войны и послевоенного десятилетия, но драматичной, порой трагической судьбы его представителей. В книге ощутимо проступает поколенческий сюжет: самиздат создавался яркими и дерзкими представителями поколения «оттепели». В этом смысле показательна вторая глава книги «Виды и содержание самиздата». Точно отобранный материал, составивший ее параграфы (2.1. Открытые письма, обращения и заявления протеста; 2.2. Материалы судебных процессов; 2.3. Сборники документов), позволил автору, кроме ввода и анализа редкого документального материала, показать стойкость «детей оттепели» в отстаивании своей правды, защите своих соратников во всех возможных формах: от протестных писем, необходимость появления которых была вызвана арестами (например, А. Гинзбурга, Ю. Галанскова, П. Григоренко), до составления сборника о политических процессах, знаменитой «Белой книги».

Убедительно и глубоко показаны причины, по которым приговоренные настаивали на своем праве – последнем слове обвиняемого, дабы публично, последовательно и аргументированно обосновать свою

гражданскую позицию. Автор характеризует (а порой просто упоминает) последние слова Ю. Даниэля, А. Синявского, В. Буковского, Л. Богораз, П. Литвинова, В. Делоне, В. Дремлюга, К. Бабицкого, А. Амальрика, В. Кукуя. По справедливой оценке исследователя, «последнее слово обвиняемого в контексте изучения инакомыслия в СССР можно рассматривать как разновидность исторического источника, содержащего уникальную информацию. Значение этих материалов подтверждается их местом в самиздате, где они распространялись как автономные документы. Исследование идей диссидентского движения, его персонального состава невозможно без привлечения этих заключительных аккордов политических процессов, которые ярко характеризуют личность обвиняемого, иногда истоки его инакомыслия, цели оппозиционных действий и т.п.» [1. С. 68].

В третьей и четвертой главах монографии «Журналы в самиздате», «Самиздат в провинции: студенческая литературная и художественно-публицистическая периодика» Ю. Русина не только детально описывает названные проблемы, но способами их решения углубляет и / или намечает несколько научных сюжетов, предполагающих возможность дальнейшего изучения материала, взятого для анализа.

Так, определяя значимость периодических изданий («Появление нелегальных журналов означало, с одной стороны, качественный рост и развитие самого самиздата, а с другой – организационное оформление различных оппозиционных движений» [Там же. С. 82]), показывая все разнообразие оттенков независимой мысли в неподцензурных изданиях («...журналы социально-политического, национального и религиозного содержания: “Политический дневник”, “Общественные проблемы”, “Вече”, “Вестник спасения”, “Исход”, “Вестник Исхода”, “Белая книга исхода” и др.» [Там же. С. 99]), автор особое внимание уделяет «самому большому достижению правозащитников» – бюллетеню «Хроника текущих событий». Фактически первый выпуск «Хроники текущих событий» рассмотрен Ю. Русиной как целостный текст: от рубризатора до определения смысловой стратегии журнала и тактики компоновки материала, т.е. в рамках той методики анализа, которая в свое время была предложена в главе «Один номер “Колокола”» в книге Н.Я. Эйдельмана «Герценовский “Колокол”» [2]. Историк представил номер периодического издания, который, возможно, является первым прецедентом российского «тамиздата», что называ-

ется «от корки до корки»: от титульного листа до последней страницы, от поэтики названия до особенности шрифта, от структуры до объявленной цены, от содержания именно этого 64-го номера от 1 марта 1860 г. до соотнесенности его с другими номерами – шире – основной направленностью журналистской деятельности Герцена и Огарева. Сами приемы интерпретации свидетельствуют о том, что Н.Я. Эйдельман рассматривает «Колокол» как текст, несущий формально-смысловое единство, что характерно и для анализа одного номера «Хроники...», предпринятого Ю. Русиной, более того (и в этом видится продвижение вперед научной мысли), показано, что целостность, смысловое единство каждой журнальной книги предопределены направлением журнала, его общей политической стратегией [3]. А характеристика самиздатского журнала «Вече» буквально наталкивает исследователей, занимающихся историей «толстого» журнала в России, на научную гипотетически продуктивную идею сравнительного анализа постановки и решения социально-политических проблем в легальных, но оппозиционных режиму и неподцензурных журналах, скажем сопоставление позиции в споре западников и славянофилов на страницах «Нового мира» и реакции оппозиционного сообщества на материалы, публиковавшиеся в журнале «Вече».

Анализ «Хроники...», «Вече», других достаточно многочисленных журналов самиздата («Политический дневник», «Общественные проблемы», «Вестник спасения», «Исход», «Вестник Исхода», «Белая книга Исхода» и др.), в том числе и журналов «второй культуры» («37», «Часы», «Обводной канал», «Метродор», «Сумма», «Надежда» и др.), позволяет автору документально подтвердить известное высказывание И. Шафаревича на пресс-конференции 14 ноября 1974 г. о сборнике «Из-под глыб»: «При всем разнообразии оттенков независимой мысли в нашей стране одно положение принимается почти единодушно: основной, решающей причиной, препятствующей нашему нормальному развитию, признается недостаток свободы» [4].

В аспекте креативного потенциала рецензируемой монографии особого внимания заслуживает ее заключительная четвертая глава «Самиздат в провинции: студенческая литературная и художественно-публицистическая периодика». Студенческие рукописные и машинописные журналы, типичное явление для советских вузов 1950 – начала 1960-х гг., с одной стороны, стали предвестниками политиче-

ского самиздата, с другой – следствием того творческого и духовного подъема, который вызвало разоблачение культа личности. На первых страницах книги автор неоднократно обращает внимание на то, что «самиздат даже в современной интеллектуальной среде часто ассоциируется только с запрещенной к изданию художественной литературой, в то время как социально-политические самиздатские тексты обладают огромным информационным потенциалом и общественной значимостью» [1. С. 7]. Неоднократное указание на разнообразие литературы самиздата часто сопровождается акцентом на необходимость внимания к его «нехудожественным» пластам: «Действительно, существование самиздата напрямую связано с цензурой, но является он не только в форме художественного произведения, а мог быть и публицистическим, и религиозным, и научным историческим или философским текстом, и аудиозаписью и др.» [Там же. С. 11].

Углубленный, основанный на кропотливой работе в архивах анализ самиздата не столичной, но региональной локации обнаруживает проницаемость границ между политическими высказываниями и творческим волеизъявлением. Уже первый параграф главы, посвященный самодеятельному литературному альманаху Уральского государственного университета с неприятным, но знаковым названием «Наше творчество», строится на обрисовке конфликта между окрыленными победой фронтовиками и рано повзрослевшими во время войны школьникам, которые пришли в послевоенные вузы и за знаниями, и с надеждой на самовыражение, и партаппаратом и комсомольским активом, которым студенческое творчество представлялось «идейно чуждым по своему идейному содержанию». Вузовская оппозиционность, вызванная «закручиванием гаек» в послевоенное десятилетие, с одной стороны, реализовалась, и это доказано анализом архивных материалов, в «создании конспиративных кружков и подпольных студенческих групп, имеющих программные документы» [Там же. С. 144], с другой – проявляла себя в творческом инакомыслии, о чем свидетельствует характеристика самиздатских журналов «Всходы» и «В поисках», и в самой атмосфере студенческих «умов брожений», когда публичная лекция студента-филолога УрГУ могла быть названа «Сон и сновидения», а финальный аккорд ее звучал как анекдотический афоризм: «Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза – великий организатор массовых снов и сновиде-

ний» [1. С. 145]. Тот же принцип языковой игры (нарушение горизонта ожидаемого) характерен и для «невинного» печатного органа – студенческой стенгазеты: «“Никакая партия не заменит ум, честь и совесть”, – афоризм, родившийся в редколлегии “Боевого органа комсомольской сатиры” (БОКС), стенгазеты Уральского политехнического института (УПИ) второй половины 1950-х гг.» [Там же. С. 159], анализ которой является безусловной находкой Ю. Русиной. По справедливому замечанию автора, «стенгазета – явление уникальное. В отличие от классического самиздата она создается в единственном экземпляре и доступна читателю сравнительно недолгий срок. В то же время – это “голос снизу”, способ выразить свое мнение, донести его до власть имущих и единомышленников одновременно» [Там же]. Добавим, что атмосферу свободомыслия поддерживали и лекции, читаемые на филфаке Уральского университета, на которых цитировались и анализировались (без называния имен и произведений) «Собачье сердце», «Роковые яйца», «Повесть непогашенной луны», «Заблудившийся трамвай»... Список можно продолжить.

Оппозиционность творческой и технической молодой интеллигенции 1950–1960-х гг. являла себя и широко ходившим в ее среде самиздатом, не только столичного происхождения, но создаваемым «на местах». Конечно, это был прежде всего литературный самиздат в его разнообразном материальном воплощении: переписанный от руки «Реквием» А. Ахматовой, фотокопии «Доктора Живаго» Б. Пастернака, перепечатанные на машинки «Письма к Тесковой» М. Цветаевой, переплетенные в книги стихотворения Н. Гумилева, О. Мандельштама, Б. Слуцкого, песни В. Высоцкого, А. Галича, скетчи М. Жванецкого (в последних случаях активно подключались и магнитофонные записи).

Несколько слов о том, как написана книга. Ей свойственно некое внутреннее противостояние: нарочитая сухость изложения, установка на максимальную объективность, позиция «внеаходимости» автора в материале сталкивается с потаенной, но прорывающейся взволнованностью, сопереживанием исследователя судьбам героев самиздатовского движения. Знаки напряжения между научной логикой и эмоциональным отношением к описываемым сюжетам «разбросаны» по всей книге. Это и эпиграфы к каждой главе, нередко стихотворные. Например, глава «Самиздат в провинции: студенческая литературная и художественно-публицистическая периодика» предваряется эпигра-

фом из Ц.К. Норвида в переводе В. Рутминского, литератора, серьезно пострадавшего за свою привязанность и пропаганду поэзии Серебряного века: «Как много их тут... Генералы, пехота, / Полиция вида и сорта любого... / На что же идет здесь такая охота? / Всего лишь на несколько мыслей... Не ново!» [1. С. 132]. Это могут быть неожиданные, но точные оценочные характеристики: «...история “Хроники” – это один из самых ярких фактов истории правозащитного движения. <...> В итоге журнал приобрел репутацию очень *аккуратного источника* информации о нарушении прав человека в СССР и правозащитном движении» [Там же. С. 82, 83–84]. Наконец (думается, не без влияния материала), автор умело использует прием переключки времен, анализируя, например, опубликованный в 9-м выпуске «Общественных проблем» актуальный и ныне документ – «Хартию научных работников»: «В документе подчеркивается, что задача организации, планирования научной деятельности и руководства ею, имеющая свою специфику, чтобы быть успешно решенной, должна опираться на особые методы по сравнению, например, с административной или торговой сферой» [Там же. С. 108].

В заключение отметим, что монография Ю. Русиной актуализирует и тем самым возвращает интерес к двум моментам: источниковедческой методологии для изучения российского самиздата и огромному пласту далеко еще не описанной региональной литературы инакомыслия. При обращении и изучении исторических источников легко попасть под обаяние свидетельств, созвучных исследователю по своему характеру и содержанию, чего счастливо смогла избежать Ю. Русина. Приемы ее исследования – «обращение к научно обоснованным методикам проверки <...> достоверности, сравнение с другими источниками, привлечение максимально полного комплекса сохранившихся материалов, учет характеристик видовой классификации» [Там же. С. 170] – позволяют вполне доверять объективности ее выводов.

Литература

1. Русина Ю.А. Самиздат в СССР: тексты и судьбы. СПб. : Алетей ; Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. 204 с.
2. Эйдельман Н. Герценовский «Колокол». М. : Учпедгиз, 1963. 104 с.
3. Снигирева Т.А., Подчиненов А.В. Феномен российского литературно-художественного журнала. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 143 с.

4. Шафаревич И. О сборнике «Из-под глыб». URL: <http://shafarevich.voskres.ru/a32.htm> (дата обращения: 15.05.2020).

The Samizdat Generation. Book Review: Rusina, Yu.A. (2019) *Samizdat v SSSR: Teksty i Sud'by* [Samizdat in the USSR: Texts and Destinies]. St. Petersburg: Al-teyya; Yekaterinburg: Ural Federal University

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 26, pp. 179–189

DOI: 10.17223/23062061/26/11

Tatiana A. Snigireva, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation); Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: tas0905@rambler.ru

Alexey V. Podchinenov, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: A.V.Podchinenov@urfu.ru

Keywords: definition, types and content of samizdat, historical discourse, magazines, provincial samizdat, student literary and journalistic periodicals.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-512-23003.

Samizdat materials are a huge collection of documents of different genres that can be viewed in the context of the dissident phenomenon in the USSR. Only the latest decade saw the intensive growth of scientific interest to this phenomenon, and, therefore, these historical records require further interpretation and analysis; the latter became the main purposes of the monograph reviewed. The study combines both theoretical and historical aspects of studying Soviet samizdat. The term “samizdat” is understood in its wider sense, not only as fiction prohibited for publication, but also as a product of social, political, journalistic, human rights and other activities. At the same time, emphasis is placed on historical sources that allow documenting the human rights process. Samizdat is considered in three aspects: as a phenomenon of the 20th century supplementing official culture; as a kind of self-organization, self-reflection of society, a sign of intellectual reaction and an information channel; and as a historical source that makes it possible to study Soviet society and its reaction to state policy. This enables the author to present a representative and fairly complete picture of Russian samizdat. The notion “samizdat” is thoroughly analyzed, as well as the problem of the scientific classification of samizdat documents. The new classification system is demanded to be more detailed, presenting a complex structure, which takes into account various types and content of these historical sources. Working out a well-developed classification should ensure the use of available sources and their information potential. The book describes the sources of some varieties of samizdat documents: open letters, appeals and statements of protest, court proceedings, collections of documents. In a separate chapter, self-published magazines are analyzed as one of the most convincing manifestations of the various opposition movements organizational design. Particular attention is paid to the bulletin *A Chronicle of Current Events*, which has played an important role in reporting on human rights violations, disseminating the ideas of human rights

defenders and maintaining links between human rights groups and organizations as a consolidating information center. The first issue of the *Chronicle* of 1968 is presented in the book as a holistic text, from the list of headings to the definition of the semantic strategy of the periodical, its tactics of layout and design, which allows us to correlate it with the legendary Herzen's *Kolokol* [Bell] both in design and in its impact on public consciousness. The bulletin structure and its main sections were formed from the first issues: "Courts", "Arrests", "Extra-Judicial Prosecutions", "Searches and Interrogations", "In Prisons and Camps", "In Psychiatric Hospitals", "Persecution of Believers", "Right to Leave", "Jewish Movement", "Through the Pages of the Soviet press", "In Exile", "Official Documents", "Samizdat News", etc. The analysis of other quite numerous samizdat magazines (*Politicheskiy Dnevnik* [Political Diary], *Obshchestvennye Problemy* [Social Problems], *Veche*, *Vestnik Spaseniya* [Herald of Salvation], *Iskhod* [Exodus], *Vestnik Iskhoda* [Herald of Exodus], *Belaya Kniga Iskhoda* [White Book of Exodus], etc.), including the "second culture" ones (*37*, *Chasy* [Clock], *Obvodnoy Kanal* [Bypass Channel], *Metrodor*, *Summa* [Sum], *Nadezhda* [Hope], etc.), allows the author to document the well-known statement of Igor Shafarevich that with all the various shades of independent thought in our country, the unifying principle was the feeling of lack of freedom. The author pays attention to historical discourse aimed at analyzing social and political processes via studying samizdat authors' and developers' biographies, as well as to the history of the texts. Biographies are given briefly, most often in the form of page footnotes, but their presence adds "humanity" to historical and documentary research (for example, biographies of V. Krasin, V. Chelidze, Yu. Shikhanovich, V. Rutminsky, Gr. Fedoseev, etc.). The book discusses the main varieties of social and political samizdat – "classic" and little-studied samizdat texts. Considerable attention is paid to "provincial" students' literary and journalistic amateur periodicals of Sverdlovsk. The almanac *Nashe Tvorchestvo* [Our Creativity] (Ural State University, 1946–1949), *Vskhody* [Shoots], *V Poiskakh* [In Search] (Ural State University, 1956), the Ural Pedagogical Institute wall newspaper *BOKS* (*Boevoy Organ Komsomol'skoy Satiry* [Komsomol Satire Combat Organ], 1943–1960) are analyzed for the first time in the all-Union context. Student manuscript and typewritten magazines, a typical phenomenon for Soviet universities of that time, on the one hand, became the harbingers of political samizdat, on the other hand, a consequence of the creative and spiritual upsurge that caused the exposure of the personality cult. The book concludes with a brief bibliography on the Soviet samizdat history and an appendix including well-known examples of samizdat texts ("I Can't Be Silent!" by P. Grigorenko, "The Final Word of the Accused Bukovsky", "The White Book of Exodus" (1972)), as well as unique graphic jokes of *BOKS*.

References

1. Rusina, Yu.A. (2019) *Samizdat v SSSR: teksty i sud'by* [Samizdat in the USSR: texts and destinies]. St. Petersburg: Aleteyya; Yekaterinburg: Ural Federal University.

2. Eydelman, N. (1963) *Gertsenovskiy "Kolokol"* [Herzen's "The Bell"]. Moscow: Uchpedgiz.

3. Snigireva, T.A. & Podchinenov, A.V. (2018) *Fenomen rossiyskogo literaturno-khudozhestvennogo zhurnala* [The phenomenon of the Russian literary and art magazine]. Yekaterinburg: Ural Federal University.

4. Shafarevich, I. (n.d.) *O sbornike "Iz-pod glyb"* [About the collection "From under the boulders"]. [Online] Available from: <http://shafarevich.voskres.ru/a32.htm> (Accessed: 15th May 2020).